

французской транскрипции: «Th. Dostoiewsky». Рядом библиотечный служащий приписал по-итальянски: «Адрес тот же, что прежде <...> месяцев» оплачено 1^о «?». Многоточием в угловых скобках я отмечаю здесь непередаваемый в русском переводе артикль множественного числа и следующий за ним неравоборчивый знак, судя по всему — цифру, обозначающую число оплаченных месяцев пользования библиотекой. Все же, по-видимому, стесненный в средствах Достоевский внес плату лишь за один месяц; на это, несмотря на артикль множественного числа, указывает другой, приписанный ниже знак, который может быть прочтен как цифра «1» с добавленной к ней буквой «о» — окончанием итальянского «uno», т. е. опять-таки «один».

Попутно отмечу, что в числе русских книг, которыми располагает «Кабинет Вьёсе», имеются и произведения Достоевского. Это два тома романа «Преступление и наказание» в петербургском издании 1867 г., тот же роман в берлинском издании И. П. Ладьяжникова 1922 г. и «Братья Карамазовы» в петербургском издании 1881 г. Учитывая время пребывания Достоевского во Флоренции, можно было предположить, что на первой из этих книг имеется автограф писателя. Самых книг я, однако, в «Кабинете Вьёсе» не застал: пострадавшие от обрушившегося на Флоренцию в ноябре 1966 г. наводнения, они все еще, даже более десяти лет спустя, находились в реставрационной мастерской. Но М. Босси по моей просьбе звонил туда по телефону. Ответ был получен отрицательный — никаких надписей на книгах Достоевского нет.⁹

В. Д. РАК

СПОР ДОСТОЕВСКОГО С Н. К. МИХАЙЛОВСКИМ В 1875 г.

Изучение творческой истории «Подростка» привело в свое время А. С. Долинина к выводу о том, что в романе был «как бы услышан»¹ призыв, которым заканчивалась рецензия Н. К. Михайловского на роман «Бесы», появившаяся в февральской книжке «Отечественных записок» за 1873 г.: «Пока вы занимаетесь безумными и бесноватыми *citoyen*'ами и народной правдой, на эту самую народную правду налетают, как коршуны, *citoyen*'ы благородные, не беснующиеся, мирные и смиренные, и рвут ее с алчностью хищной птицы, но с аллюрами благодетелей человечества. Как! Россия, этот бесноватый большой, вами изображаемый, перепоясывается железными дорогами, усыпается фабриками и банками, — и в вашем романе нет ни одной черты из этого мира!

⁹ Подробнее о пребывании Достоевского во Флоренции см.: Прожогин И. Достоевский во Флоренции. — Иностранная литература, 1981, № 8, с. 237—244.

¹ Долинин А. С. В творческой лаборатории Достоевского. (История создания романа «Подросток»). Л., 1947, с. 156.

Вы сосредоточиваете свое внимание на ничтожной горсти безумцев и негодяев! В вашем романе нет беса национального богатства, беса самого распространенного и менее всякого другого знающего границы добра и зла <...> Вы не за тех бесов ухватились <...> Рисуйте действительно пераскаянных грешников, рисуйте фанатиков собственной персоны, фанатиков мысли для мысли, свободы для свободы, богатства для богатства. Это ведь тоже *citoyens du monde civilisé*, но *citoyen*'ы, отрицающие свой долг народу или пододумавшиеся до него <...> Значит опи-то именно и составляют искомую вами противоположность Власам и дерзостным мужикам, практикующим искупительное страдание и только в нем находящим примирение со своею измученною совестью».² Все содержание «Подростка», где «тема денег, „богатства для богатства“ играет <...> исключительную роль», свидетельствует, по мнению А. С. Долинина, о том, что Достоевский со вниманием отнесся к совету критика и «разработал тему, указанную ему Михайловским».³ Высказав первоначально свою мысль в виде осторожного предположения («как бы»), ученый впоследствии облек ее в категорическую формулировку бесспорного факта, хотя аргументацию ничем не усилил: «В „Подростке“ призыв этот явно услышан».⁴

Серьезные возражения против утвердившейся в литературоведении на основе этого вывода концепции, согласно которой «Подросток» создавался под влиянием Михайловского, выдвинул недавно Е. И. Семенов. Достоевский, рассуждает он, уловил и воплотил в персонажах «Бесов» такие глубинные явления и процессы буржуазного общества, которые во всей полноте и сущности обнаружались только в XX в. «Михайловский по ряду исторических и гносеологических причин не имел возможности оценить *антибуржуазный* пафос <...>, проявившийся в „Бесах“, несмотря на реакционные *политические* тенденции писателя». В своей рецензии, продолжает Семенов, он фиксировал внимание Достоевского «на тех приметах капитализации России, которые были ясны и рядовому непредвзятому наблюдателю», а Достоевский, более прозорливый, в это время искал «в настоящем *не проявившиеся* еще актуально черты *будущего* общественного развития». Другими словами, Михайловский не мог ничего подсказать Достоевскому, чего тот не знал бы и не видел бы, так как понимал действительность глубже и проникательнее критика-народника. Последний, заключает Е. И. Семенов, «мог предоставить своими статьями немаловажный психологический и идеологический материал писателю, который пристально вглядывался в своих молодых современников, пытаясь различить смутные черты создаю-

² Михайловский Н. К. Соч., т. 1. СПб., 1896, с. 871—872.

³ Долинин А. С. В творческой лаборатории Достоевского, с. 156—157.

⁴ Долинин А. С. Последние романы Достоевского. Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». М.—Л., 1963, с. 13.

щейся действительности, но никак не *инспирировал* художественную идею „Подростка“».⁵

Судя по откликам на это полемическое выступление, точка зрения А. С. Долинина сохранила многих своих приверженцев. С нею согласен автор новейшего монографического исследования литературно-критического наследия Михайловского; из статьи Е. И. Семенова он привел лишь первую, утвердительную часть процитированного выше заключения, игнорировав и тем самым оспорив вторую, отрицательную, которая собственно является основной, выражая пафос статьи.⁶ По-прежнему «своеобразный ответ Достоевского на призыв Михайловского» видит в «Подростке» В. Б. Смирнов,⁷ полагающий, что «упреки» Е. И. Семенова «в адрес А. С. Долинина основаны явно на недоразумении и лишены доказательности».⁸

Проблема была поднята и обсуждается до сих пор на уровне сопоставления лишь самых общих формулировок идейно-художественных концепций автора романа и публициста революционно-демократического журнала. Вместе с тем остались незамеченными важные детали, проливающие свет на то, как воспринимал писатель в 1875 г. высказанное ему пожелание и какой ответ дал он своему оппоненту.

С этой точки зрения представляют большой интерес заметки на шестнадцатой странице третьей⁹ черновой тетради (16, 168—169). Исследованиями установлено, что две заметки подсказаны статьей Михайловского «Десница и шуйца Льва Толстого» (май 1875),¹⁰ а дополнительное сопоставление обнаруживает связь с нею и ряда других записей. Таким образом, на странице находится довольно пространный черновой набросок, в котором движущие мысли Достоевского следуют за ходом рассуждений Михайловского; среди прочих затрагивается и вопрос о «бесе национального богатства».

Отправной точкой становится приведенная Михайловским цитата из статьи Толстого «Яснополянская школа за ноябрь и де-

⁵ Семенов Е. И. Был ли Михайловский идейным вдохновителем автора «Подростка»? — Филологические науки, 1976, № 1, с. 98. Статья включена в первую главу книги того же автора «Роман Достоевского „Подросток“ (проблематика и жанр)» (Л., 1979, с. 4—15), где конечный вывод сформулирован несколько иначе (см. ниже).

⁶ Слипченко А. А. Из истории русской демократической критики. Литературно-критическое наследие Н. К. Михайловского. Воронеж, 1977, с. 70.

⁷ Смирнов В. Б. Роман Ф. М. Достоевского «Подросток» в журнальном контексте «Отечественных записок». — В кн.: Русская журналистика в литературном процессе второй половины XIX века. Пермь, 1977, с. 12.

⁸ Там же, с. 27—28, примеч. 26.

⁹ Согласно нумерации, присвоенной в Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского (17, 393). В дальнейшем эти заметки цитируются без указания тома и страниц.

¹⁰ См.: Розенблюм Л. М. Творческие дневники Достоевского. — В кн.: Литературное наследство, т. 83, М., 1971, с. 65—66; Кийко Е. И. Достоевский и Ренан. — В кн.: Достоевский. Материалы и исследования, т. 4, Л., 1980, с. 114—115.

кабрь месяцы» (1862): «Но если удовлетворять одному национальному чувству, что же останется из всей истории? 612, 812 года и все».¹¹ Достоевский категорически не согласен и, забыв этот ошибочный, в его представлении, тезис своими словами, близкими, впрочем, к оригинальному тексту, начинает спорить: «Глубоко неверно и ужасно грубо...».

Статья преследовала цель опровергнуть бытовавшее мнение о Толстом как о «квасном патриоте» и славянофиле, который «падает ниц перед всем, что отзывается пресловутой и едва ли кому-нибудь понятной „почвой“», и «верит в какое-то мистическое величие России».¹² Михайловский устанавливает расхождение взглядов писателя со славянофильской доктриной по двум важным пунктам. Во-первых, толстовскому пониманию исторического процесса в корне чуждо представление «о великой роли, предназначенной провидением славянскому миру, совершенно посрамить мир романо-германский».¹³ Во-вторых, в то время как славянофилы подразумевают под «народом» некую «стихийную совокупность людей, говорящих русским языком и населяющих Россию», Толстой «не признает этого единства русских людей или, по крайней мере, усматривает в нем такие два крупные обособления, что считает возможным приравнять их отношения к отношениям враждебных национальностей».¹⁴ Славянофилы убеждены, что «рознь идеалов и интересов высших и низших слоев совокупности русских людей» была порождена петровскими реформами. По Толстому, подчеркивает Михайловский, «интересы „общества“ и народа <...> всегда противоположны», и, хотя писатель не высказывался в этом смысле относительно допетровской Руси, «из общего характера <...> его воззрений» следует, что он должен признавать раздельное существование этих групп и в тот период, а потому «роста и развития московской <...> Руси <...> никогда не изобразит розовыми, угодными для славянофилов красками».¹⁵ В качестве доказательства этой интерпретации взглядов Толстого и приведена цитата из статьи «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы». Сочувственно комментируя суждение писателя, сложившееся из наблюдений за реакцией учеников на рассказы об Отечественной войне, Михайловский усматривает в нем понимание того обстоятельства, что «1612, 1812 года и отчасти времена монгольского ига суть единственные моменты национальной русской истории, в которые не было никакой розни между целями и интересами „общества“ и народа»; в другие эпохи рознь была отчетливо выраженной, и потому свершавшиеся тогда события, какими бы блестящими и важными ни выглядели

¹¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 8, М., 1936, с. 96. Михайловский опустил в цитате слово «одному» (Михайловский Н. К. Соч., т. 3, СПб., 1897, с. 449).

¹² Михайловский Н. К. Соч., т. 3, с. 450.

¹³ Там же, с. 447.

¹⁴ Там же, с. 448.

¹⁵ Там же, с. 449—450.

они в глазах «общества», не будят в народе «никаких необыденных чувств», поскольку «не имеют с ним жизненной связи».¹⁶

Взглядам Толстого, как их изложил Михайловский, автор «Подростка» в черновой заметке противопоставляет свое убеждение в том, что патриотическую значимость приобретает любой факт национальной истории, «если осмыслить его в русском духе», т. е. показать, что «мы всегда и везде, в 1000 лет, в доблестях наших и в падении нашем, в славе нашей и в унижении нашем, были и остались русскими, своеобразными, сами по себе». В юансы интерпретации Достоевский не вникает: частности не имеют, очевидно, для него интереса, коль скоро расхождение точек зрения патнается с самого коренного вопроса — отношения к России. Толстой и Михайловский сливаются в данном случае для него в одно лицо — «западника», выразителя пренебрежительного, оскорбительного мнения о русском народе, не верящего в него и не понимающего его мирозерцания, его идеалов. На странице появляется вторая заметка, навеянная «Десницей и шуйцей Льва Толстого»: «Не мысль славянофильская о том, что Россия предназначена к великой роли в будущем относительно западной цивилизации, противна западникам, а идея, одна мечта о том, что Россия тоже может подняться, быть чем-нибудь хорошим, благообразным; Россию они ненавидят — вот что прежде всего». Заключение звучит более резко, чем даже крайне недоброжелательный отзыв о западниках сороковых годов в очерке «Старые люди»: «К русскому народу они питали лишь одно презрение, воображая и веруя в то же время, что любят его и желают ему всего лучшего» (21,9). Это заключение в одной топальности с теми сильными выражениями, которые употреблены в письме к А. Н. Майкову от 28 (16) августа 1867 г., где рассказывается о споре с Тургеневым: «...все, что есть в России чуть-чуть самобытного, им ненавистно, так что они его отрицают и тотчас же с наслаждением обращают в карикатуру...» (П., II, 31; ср. «Бесы» и подготовительные материалы к ним: 10, 33—34; 11, 75, 111).

Категорический вывод Достоевского относительно западников, сформулированный в разбираемых заметках к «Подростку», отрадил, очевидно, и мысли, которые писатель обдумывал к намечавшейся в 1873 г., но не вышедшей на страницы печати и оставшейся в разрозненных черновых записях полемике с Михайловским вокруг вопроса о различии интересов народа и нации. В январской книжке «Отечественных записок» за тот год Михайловский писал: «Прежде всего надобно определить взаимные отношения двух наиболее ясных понятий о народе: народ как нация и народ как совокупность трудящихся классов общества. С первого взгляда кажется, что эти понятия совпадают и что если различие их важно, то только в том отношении, что понятие нации, совмещающей в себе все классы общества, шире понятия народа,

¹⁶ Там же, с. 449.

который есть только сумма известных классов. Но это далеко не верно. Что понятия нации и народа в своем практическом выражении иногда действительно совпадают, т. е. что национальное дело бывает иногда тождественно с народным делом, — это так. Но это бывает только иногда. Что же касается до сравнительной широты понятия нации, то это просто оптический обман <...> В обществе, имеющем пирамидальное устройство, всевозможные улучшения, если они направлены не непосредственно ко благу трудящихся классов, а ко благу целого, ведут исключительно к усилению верхних слоев пирамиды».¹⁷

В изложении и аргументации этого «одного из самых важных и общих социологических законов»¹⁸ Достоевский увидел теоретическое обоснование «западнических» стремлений лишить русский народ его самобытности и превратить его в бледную копию европейского. В черновой тетради он отметил: «Мы приняли все дары Европы и приняли с яростью тем с большею, что сердцевины-то мы никак не могли принять, т. е. непосредственную живую жизнь Европы. И когда там даже самые общие философские и социальные учения принимают национальный оттенок, у нас Н. Михайловский толкует о том, что национальное вредно народу» (21, 253). Эта запись находится среди подготовительных заметок, в которых, обдумывая ответ критикам «Бесов», писатель обосновывал и развивал свое отрицательное мнение о либералах-западниках и социалистах. Несколько позже, прочтя рецензию Михайловского и приступив к набрасыванию возражений, он прежде всего вспомнил январские рассуждения критика: «Н. Михайловский». <...> Национальность не нужно. А из этого следует, что если народ вас не послушается, то вы тотчас же на него рассердитесь и от него отступитесь. И какие же вы деспотики! Нет, вот желай этого, потому что это разумно. Да он прямо скажет вам, что это не разумно, потому что вы предпринимаете прирону его» (21, 253—254).

В рецензии на «Бесов» Михайловский утверждал, что автор романа, подметив лишь патологические формы «беса служения народу», «просмотрел общий характер citizen'ства, характер, достойный его кисти по своим глубоко трагическим моментам».¹⁹ Достоевского не убедили представленные критиком доказательства исторической невиновности «citoyen'ов» в разрыве с народом, не смягчило его и признание о «минутах страшного страдания», когда «мучит <...> совесть бедных citoyen'ов, признающих свой долг» перед народом и «мучительно напрягается <...> их мысль, взвешивая способы погашения долга».²⁰ В 1875 г. западнические «citoyen'ские» воззрения он в такой же степени считает антирусскими и антинародными, как и в период «Бесов» и «Гражда-

¹⁷ Там же, т. 1, с. 828—831.

¹⁸ Там же, с. 830.

¹⁹ Там же, с. 869.

²⁰ Там же, с. 872.

нина». Однако теперь он знает и другую разновидность «citoyen'-ства» — представленный Версиловым русский «тип всемирного болелю за всех», который служит России, «выставляя» «ее главную мысль», пока она не заговорит своим собственным, народным голосом, «хранит в себе будущее России» (13, 376—378).²¹ Естественно поэтому, что, внося в тетрадь замечание о ненависти западников к этому самому будущему, Достоевский противопоставляет взглядам Толстого—Михайловского «исповедь» Версилова, которая к этому времени уже, очевидно, сложилась во всех своих основных положениях:²²

«Версилов». Идея о дворянстве и лучших людях.

Версилов. Освободили народ дворяне, а чиповники только у них мысль украли.

Определив сущность западнической оценки национальной истории, Достоевский переходит к следующему вопросу, затронутому в «Деснице и шуйце Льва Толстого» и непосредственно касающемуся темы «беса национального богатства».

У славянофилов Михайловский отмечает «бессознательное тяготение к провозу европейской контрабанды под флагом начал русского народного духа».²³ Опираясь на пространную цитату из газеты «День», в которой говорилось о необходимости проведения железных дорог по Украине для ее хозяйственного развития, он показывает, что славянофильская доктрина служит объективно идеологической опорой нарождающегося отечественного капитализма:²⁴ «С паясничеством или без паясничества, но славянофилы всегда очень удобно справлялись с материальными благами проклятой ими европейской цивилизации. Они только „духа“ европейского не любили, они предпочитали начала русского или славянского духа <...> Славянофилы никогда не протестовали против утверждения в России европейских форм кредита, промышленности, экономических предприятий. Они требовали только, чтобы производительные силы России и ее потребители находились в русских руках. Так например, они требовали покровительства русской промышленности, попросту говоря, высоких тарифов. Обставляя это требование <...> рассуждениями о величии России и восклицаниями о каликах перехожих и киевских колоколах, славянофилы не смущались тем, что покровительственная торговая

²¹ См. подробно: Кийко Е. И. Русский тип «всемирного болелю за всех» в «Подрутке» (по материалам черного автографа). — Русская литература, 1975, № 1, с. 155—161.

²² В Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского разбираемые заметки напечатаны в корпусе подготовительных материалов, датированных 8 (20) сентября—декабрь 1874 г.; но они не могли быть написаны ранее выхода «Десницы и шуйцы Льва Толстого» — ранее мая 1875 г.

²³ Михайловский И. К. Соч., т. 3, с. 456—457.

²⁴ О связях славянофилов в лице И. С. Аксакова с московской буржуазией см.: Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978, с. 127—166. Автор приходит к выводу о том, что «ливил <...> на превращение славянофильства в идеологию крупной буржуазии являлась господствующей тенденцией в развитии пореформенного славянофильства» (там же, с. 165).

политика выгодна не России, а русским заводчикам. Под покровом киевских колоколов и калик перехожих они, сами того не замечая, стремились ускорить появление в России господствующих в Европе отношений между трудом и капиталом, т. е. того, что сами они готовы были отрицать на словах и что составляет самое больное место европейской цивилизации. Гарантируйте русским фабрикам десяток-другой лет отсутствия европейской конкуренции, и вы не отличите России от Европы в экономическом отношении. Недаром весьма просвещенные русские заводчики проникаются необычайною любовью к России всякий раз, когда заходит речь о тарифе».²⁵ Экономические перемены, которыми всеми силами способствуют славянофилы, должны, заключает логически Михайловский, изменить «нравственный характер русского рабочего люда», так что «в конце концов знаменитых начал русского духа не останется даже на семена».²⁶

Парадокс этот не ставит Достоевского в тупик.²⁷ «Бес национального богатства» действительно вырвался на волю и гуляет по России. Автор «Подрутки» это хорошо знает; но тревога, которую бьют «Отечественные записки», не находит у него отклика. Бояться этого «беса» свойственно западникам, которые, оторвавшись от родной почвы, не понимают России и, рассуждая о ее будущем, прикладывают к ней европейский, для нее непригодный аршин. Тот, кто в отличие от них видит, в чем состоит сущность «русского духа», не испытывает страха перед этим «бесом», ибо ему известна сила, которая не даст России свернуть на западный путь. Приблизительно на такие мысли, по-видимому, натолкнули Достоевского предупреждения Михайловского, и, стоя на этой точке зрения, записывает он в тетради ответ, который предполагает включить в «исповедь»:

«Версилов». Был бы только русский дух, т. е. дух Христов, и все хронологические необходимости зла Европы немислимы в России (заводчики, тариф), никто не захочет пользоваться во вред меньшим братьям, ибо *счастье жизни, забаву жизни* найдут в другом, т. е. не в золоте, а в самоотвержении.

— Так ли, возможен ли такой рай?

— А если невозможен, то идеал и стремление к нему всегда будут возможны. Не умирал лишь бы Христос в русском сердце, и хоть бы ночь кругом, все-таки можно будет стремиться из всех сил к светлой точке. Стало быть, жить будет весело, только бы идея не умирала. Вот когда умрет самая идея и примется европейская, не равенства внутреннего, а равенства механического, вот тогда все пропало».

²⁵ Михайловский И. К. Соч., т. 3, с. 454—455.

²⁶ Там же, с. 456.

²⁷ Отталкиваясь, возможно, от реминисценций этого парадокса, а не от концепции Михайловского о консервативном характере русского рабочего вопроса и социализма (см.: Кирпотики В. Я. Достоевский и Белинский. Изд. 2-е, дополн. М., 1976, с. 199—201), предложит Достоевский свой парадокс о западниках в июньском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г.

В выражении «механическое равенство» всплывает проблематика рецензии Михайловского на «Бесов».

Рецензия явилась для Достоевского, по его собственному признанию, сделанному под свежим от нее впечатлением («Гражданин», 1873, 19 февраля, № 8), «в некотором смысле <...> как бы новым откровением» (21, 54). Из хорошо известного и часто цитируемого заявления писателя в статье «Две заметки редактора» («Гражданин», 1873, 2 июля, № 27) явствует, что ему внезапно открылись совершенно неожиданные повороты мысли критика и идеологическая концепция его предстала в странном свете. Согласно с оппонентом это «откровение» отнюдь не заключало. Напротив, по ходу чтения рецензии возникли возражения, касавшиеся основных пунктов ее содержания, как их понял Достоевский: положения о консервативном характере социализма в России и тезиса, согласно которому, как он изложил в «Двух заметках редактора», «социализм не атеистичен, <...> социализм вовсе не формула атеизма, а атеизм вовсе не главная, не основная сущность его» (21, 157). Утверждений, облеченных в подобные фразы, в рецензии нет; в этих формулировках контаминировалось несколько замечаний Михайловского как из рецензии, так и из других его статей, хронологически к ней близких.²⁸ В частности, усмотрев в десятом номере «Гражданина» признаки отступления руководимого Достоевским органа от категорического и враждебного неприятия социализма, Михайловский в мартовской статье 1873 г. обратился непосредственно к редактору журнала-газеты, убеждая его не бояться этого «движения»: «Никакое общество не обязано проходить через все метаморфозы, которым подверглись его старшие в историческом порядке родичи. Здесь имеет место закон не наследственный, а педагогической передачи особенностей. Передача эта совершается двумя путями — положительным и отрицательным <...> Если мы видим, что, например, известная комбинация обстоятельств порождает в Европе резню, то какой, с позволения сказать, черт потянет нас к этой комбинации? Конечно, мы постараемся обойти ее, должны, по крайней мере, стараться изо всех сил, и можем отступить только перед заведомо неизбежностью».²⁹

Достоевский увидел во всех увещаваниях Михайловского лишь тактический прием оппонента, решившего сделать противной стороне успокоительную уступку: «Главное, никак не могу понять, что хотел мне сказать г-н Н. М., уверяя меня, что социализм в России был бы непременно консервативен? Не думает ли он меня этим как-нибудь утешить, предположив, что я консерватор во что бы то ни стало. Смею уверить г-на Н. М., что „лик мира

²⁸ См.: Долинин А. С. Последние романы Достоевского, с. 11—13; Кирпичин В. Я. Достоевский и Белинский, с. 186—194; Семенов Е. И. Роман Достоевского «Подросток», с. 12. См. также комментарий к «Двум заметкам» (21, 467—468).

²⁹ Михайловский Н. К. Соч., т. 1, с. 901—902.

сего» мне самому даже очень не нравится» (21, 157). В 1875 г. Достоевский не мог не вспомнить своего расхождения во мнениях с Михайловским по этому вопросу. Его оценка социализма в подготовительных материалах к «Подростку» заключала поэтому и своего рода ответ на рецензию. Осталась она, как видно из слов о «механическом равенстве», столь же отрицательной, как и в период создания «Бесов», и в 1873 г. Усилия Михайловского переубедить писателя не достигли цели.

Уверенность Достоевского в том, что «бес богатства» будет изгнан из России «самоотвержением», нашла опору в суждениях Н. Н. Страхова, сжато суммированных в «Деснице и шуйце Льва Толстого» и виде следующего тезиса: «Россия гарантирована от толков об „общем благосостоянии“ и от духа зависти, гарантирована глубокими началами русского народного духа, которому противен „житейский материализм“».³⁰ Вопрос об «общем материальном благосостоянии» был одним из главных пунктов полемики в 1872—1873 гг. между Михайловским и Страховым вокруг книги Э. Ренана «La réforme intellectuelle et morale» (1871).³¹ Ренан и вслед за ним Страхов видели в «развитии материальных стремлений у рабочих и у крестьян»³² фактор, оказывающий отрицательное влияние на духовно-нравственное состояние общества, порождающий разделение людей и угасание таких «благородных стремлений» прошлых времен, как воинская доблесть, патриотизм, «этузиазм к прекрасному», жажда славы и др. «Социальные вопросы, — писал Ренан, — совершенно заглушили вопросы национальные и патриотические <...> Наша политическая философия содействовала нашему падению».³³ Михайловский признавал возможность сочетания «материальных стремлений» и духовных идеалов, приводя в пример европейских социалистов.³⁴ Достоевский следил за спором, очевидно, с самого начала, тогда же, наверное, составил свое мнение об аргументации и выводах столкнувшихся сторон и, по всей видимости, как-то сохранил его в памяти.³⁵

В «Деснице и шуйце Льва Толстого» речь о взглядах Страхова заходит в связи с «трогательной идиллией» славянофилов, которая отождествляет интересы и цели „незанятых классов“ (древней или новой России) с интересами классов занятых,

³⁰ Там же, т. 3, с. 458.

³¹ О полемике см.: 17, 284—285; Кийко Е. И. Достоевский и Ренан, с. 114—115.

³² Михайловский Н. К. Соч., т. 1, с. 716.

³³ Цит. по: Михайловский Н. К. Соч., т. 1, с. 717.

³⁴ Там же, с. 724.

³⁵ Сборник «Гражданин», в котором была напечатана рецензия Страхова на книгу Ренана (ч. I. СПб., 1872), имелся в библиотеке Достоевского (см.: Гроссман Л. П. Семипатрий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарии. М.—Пг., 1922, с. 50). О взглядах Страхова, солидаризовавшегося с Ренаном, говорилось кратко и в рецензии Михайловского на «Бесов» (см.: Михайловский Н. К. Соч., т. 1, с. 870). Наконец, ответ Страхова Михайловскому был напечатан в «Гражданине» (1873, 30 апреля, № 48) в период, когда редактором был Достоевский.

«двигая их в национальное единство».³⁶ Соглашаясь с отзывом Страхова о Ренане как о «французском славянофиле» в этом отношении, Михайловский приводит характерную цитату, подтверждающую такую оценку: «Ренан смотрит на вещи так: „... Демократ называет глушом крестьянина старого порядка, работающего на своих господ, любившего их и наслаждавшегося высоким существованием, которое другие ведут по милости его пота...» В настоящем состоянии общества преимущества, которые один человек имеет над другими, стали вещами исключительными и личными: наслаждаться удовольствием или благородством другого кажется дикостью; но не всегда так было. Когда Губбио или Ассиз глядел на проходящую мимо свадебную кавалькаду своего молодого господина, никто не завидовал. Тогда все участвовали в жизни всех; бедный наслаждался богатством богатого, монахи — радостями мирянина, мирянин — молитвами монаха, для всех существовало искусство, поэзия, религия».³⁷ Разъяснив с помощью этой цитаты сущность славянофильской «идиллии», Михайловский указывает на полную противоположность ей взглядов Толстого, который «утверждает, что „молодшему брату“ <...> нет никакой причины радоваться на „кавалькаду молодого господина“».³⁸ В отличие от славянофилов, подчеркивается в статье, Толстой меряет цивилизацию «не началами русского духа и не какими-нибудь возвышенными мерками смиренномудрия и терпения, а „общим благосостоянием“», он ее отрицает только потому, что она оказывается бесполезной «молодшему брату» именно с точки зрения благосостояния.³⁹

Ответ Достоевского — логическое продолжение предыдущей заметки, в которой была высказана точка зрения, очень близкая к страховскому пониманию «русского духа» как фактора, спасающего Россию от губительного «житейского материализма». В тетради следует запись: «Ренан славянофил. Крестьяне смотрят на пышную свадьбу своего господина и радуются, Михайловский и Толстой негодуют на мужиков на том основании, что пышность свадьбы их господина несколько не увеличивает их благосостояния. И Толстой и Михайловский даже считают священным долгом своим образумить скорее мужика и разъяснить ему, что он глуп, если счастлив счастьем своего господина, что счастье господина не увеличивает его благосостояния. Таким образом, и Толстой и Михайловский забывают, что крестьянин этот ведь все-таки счастлив же. И, вразумляя его, отнимают у него счастье. Почему? Враги они что ли его? Нет, а потому, что задались ложною мыслью, что счастье заключается в материальном благосостоянии, а не в обилии добрых чувств, присущих человеку».

Все содержание заметки (особенно отчетливо последнее предложение) перекликается с мыслью о второстепенности идеи

³⁶ Михайловский Н. К. Соч., т. 3, с. 457.

³⁷ Там же, с. 457.

³⁸ Там же, с. 458.

³⁹ Там же.

«претворения камней в хлебы», которая уже была намечена в подготовительных материалах (16, 44—45, 78, 283) и бегло затронута в самом романе (13, 173), затем появляется в черновых записях к «исповеди» Версилова (16, 431), но в окончательный ее вариант не войдет.⁴⁰ В этой идее видел Достоевский зерно социалистического учения, что раскрывает его заметка от 6 октября 1874 г. (16, 164) и что он подробно разъяснит в известном письме к В. А. Алексееву от 7 июня 1876 г. (II, III, 211—213). Эта прочно уже устоявшаяся в сознании писателя ассоциация тянет нить его размышлений к наброску «Социалистам», в котором демонстрируется несостоятельность их надежд «прельстить человека выгодой, умственным расчетом его выгоды»: «Господи, какой плохой расчет с вашей стороны: да когда же человек делал то, что ему выгодно? Да не всегда ли, напротив, он делал то, что ему нравилось, а не то, что ему выгодно, нередко сам видя во все глаза, что это ему невыгодно» (16, 170).

В 1872 г., полемизируя с Ренаном и Страховым, Михайловский задал вопрос: «Разве желание поделить всех и каждого материальным благосостоянием не способно составить идеал, вызвать высокие чувства, великие мысли?».⁴¹ Помнил его Достоевский или нет, но логика спора с Михайловским—Толстым привела к ответу на него, и ответ этот был отрицательный.

«Десница и шуйца Льва Толстого» была седьмой статьей цикла «Записки профана». В том же номере «Отечественных записок» была напечатана и восьмая — «Несколько мелочей», посвященная разбору реферата П. Е. Пудовикова «Кустарная промышленность», в котором доказывалась необходимость «внести в труд кустарей правильное распределение, словом — сделать из них фабричных рабочих».⁴² Выступая в соответствии со своими народническими взглядами за охранение кустарных промыслов от экспансии капиталистической промышленности, Михайловский указывал, что распространение фабричного производства несло с собою ухудшение жизненных условий и разложение прав русского крестьянина. Для доказательства этого тезиса он заимствовал несколько примеров из статьи священника К. Вессловского «О фабрикации полотна в г. Вязниках Владимирской губернии»,⁴³ в том числе следующую сцену расчета рабочих:

«— Подмастерье Данило Прохоров Занозин, — здесь?

— Здесь-с, ваше высокостепенство.

— Тебе, брат, нынче больно много причитається к выдаче, — смотри-ко-сь, — ведь 39 руб., шутка сказать!.. Ведь это, братцы, вы меня в раззор разорите; ну-ко-ся 39 руб.!

— Да! слава те господи! Копил все, ваше высокостепенство, — к празднику нужны... оброк... подати...

⁴⁰ О развитии этой мысли см.: 17, 283.

⁴¹ Михайловский Н. К. Соч., т. 1, с. 731—732.

⁴² Труды Вольного экономического общества, 1874, т. 3, вып. 1, сентябрь, с. 65—86.

⁴³ Там же, т. 2, вып. 4, август, с. 434—440.

— Нет, брат, этак нельзя... вот тебе тридцать, а девять с костей долой; чай не помнишь, за тобой грешки были?

— Никаких грехов супротив вашего высокостепенства не сознаю-с, а что касательно скотски... прошу помиловать... За что?

— А! еще стал разговаривать... получи 29 рублей, а рубль еще с тебя штрафу... не гордыбачь!»⁴⁴

Из статьи Михайловского эта сцена, подобные которой повторялись в Визниках, по словам автора, «несколько десятков раз в продолжение суток», перешла в «Подросток», в рассказ о купце Скотобойникове:

«А народ рассчитывал произвольно; возьмет счеты, паденет очки: „Тебе, Фома, сколько?“ — „С рождества не брал, Максим Иванович, тридцать девять рублей моих есть“. — „Ух сколько денег! Это много тебе; ты и весь таких денег не стоишь, совсем не к лицу тебе будет: десять рублей с костей долой, а двадцать девять получай“. И молчит человек; да никто и не смеет пикнуть, все молчат» (13, 314).

Образом Скотобойникова, как и образом Макара Ивановича Долгорукого, Достоевский продолжил и завершил свою полемику с Некрасовым по поводу стихотворения «Влас», начатую в «Гражданине» в 1873 г.⁴⁵ Скотобойников — это тот же Влас, но освобожденный от «шутовства», которое Достоевский усмотрел в интерпретации Некрасова; это — Влас, прошедший через горнило опшщающих нравственных страданий и воплощающий сформулированную в «Дневнике писателя» за 1873 г. концепцию русского национального характера, согласно которой «самая главная, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания, всегданнего и неутолимого, везде и во всем» (21, 36). В ее ошибочности пытался убедить писателя Михайловский в своей рецензии: «Легко <...> жить с мыслью о том, что мой народ любит страдать. Но <...> это мысль ситюен'ская. Народ рот разинет, если ее ему представить. Народ может с почтением смотреть на принимающих мученический венец, он может сочувственно относиться к добровольно несущим искушительный крест, он может, наконец, страдать, не замечая этого или не зная выхода, но только ситюен'у может придти в голову, что народ хочет, любит страдать, и притом ситюен'у, наклонному к эксцентрическим идеям и к обобщению патологических явлений».⁴⁶

Работая над образом Скотобойникова, Достоевский, как дает основание предполагать установленный выше факт заимствования,

⁴⁴ Михайловский Н. К. Соч., т. 3, с. 463. По сравнению с оригиналом (см.: Труды Вольного экономического общества, 1874, т. 2, вып. 4, август, с. 449) Михайловский допустил незначительные текстуальные отступления.

⁴⁵ См.: Долгин А. С. Последние романы Достоевского, с. 127—133; Туниманов В. А. Достоевский и Некрасов. — В кн.: Достоевский и его время. Л., 1971, с. 33—66.

⁴⁶ Михайловский Н. К. Соч., т. 1, с. 867—868.

ния, держал в уме Михайловского и в этом случае должен был иметь в виду как его рассуждения о «бесе национального богатства» (этим «бесом» одержим Скотобойников), так, несомненно, и возражения критика против того самого тезиса, который закладывался в идейную основу вставного рассказа о купце. Следовательно, образ Скотобойникова содержал ответ Михайловскому, причем и на рецензию, и на очередные тревожные предостережения в статье «Несколько мелочей» о разгуле «беса», грозящем стране непоправимыми гибельными последствиями. Ответ писателя был тот же, что и в разобранных черновых заметках: от «беса богатства» Россию сохранит «русский дух».

Итак, в разгар работы над «Подростком» Достоевский ни с одним положением рецензии Михайловского на «Бесов» согласен не был. Тому, которую ему подсовывал Михайловский, он рассматривал под иным углом зрения, нежели критик «Отечественных записок». Поэтому следует согласиться с окончательным выводом Е. И. Семенова о том, что «не вызывает особого доверия тезис об идейной „переориентировке“ Достоевского именно под влиянием статей публициста-народника».⁴⁷

УТОЧНЕНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ К КОММЕНТАРИЮ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ДОСТОЕВСКОГО

«БЕДНЫЕ ЛЮДИ»

1

Главный герой романа «Бедные люди», Макар Деушкин, объясняя Вареньке Доброселовой свое отношение к проблеме материальной необеспеченности, говорит: «Я про подошвы мои и не думаю, потому что подошва вздор и всегда останется простой, подлой, грязной подошвой. Да и сапоги вздор! и мудрецы греческие без сапог хаживали...» (1, 81). Деушкин здесь явно намекает на Сократа, который «всегда босой, в старом плаще — в таком своем постоянном наряде <...> шагнул с улицы площадей Афин в долгую историю. Этот наряд был столь обычен для Сократа, что его восторженный слушатель, Аристоклем, увидев его однажды в сандалиях, был весьма удивлен. Выяснилось, что Сократ „вырядился“ на пир к поэту Агафону по случаю его победы в Афинском театре...».¹

Как пишет современный Ф. М. Достоевскому автор, «когда мороз был так силен, как только можно было себе представить, когда другие либо вовсе не выходили, либо кто выходил, то на-

⁴⁷ Семенов Е. И. Роман Достоевского «Подросток», с. 15. Однако аргументация Е. И. Семенова в поддержку этого положения не во всем представляется бесспорной.

¹ Нерсесянц В. С. Сократ. М., 1977, с. 402.